

Что бы там ни думали наверху, а пришло время осенней страды — значит, нужно шевелиться. Дин Тянь тоже вернулся в родную деревню. Помощник в поле из него был так себе, поэтому он решил подсобить родне по-другому: накупил для семей обоих дядей жирного мяса, заказал побольше свежего тофу и прочих сытных продуктов, чтобы поддержать их силы во время тяжелой работы. Заодно он собирался договориться с плотниками насчет строительства собственного дома.

Да, земля под застройку была уже размечена и выровнена, оставалось только возвести стены. Заверши он стройку — и у него наконец-то появится собственное жилье в уездном городе.

Чертежи Дин Тянь набросал сам. Это была небольшая усадьба из двух двориков, спроектированная по классическому принципу сыхэюань. Места она занимала немного. Да и зачем ему просторный огород? Сажать овощи во дворе он не планировал, решив ограничиться лишь парой абрикосовых деревьев. В первом дворике располагались три просторные жилые комнаты в главном доме и два флигеля по бокам. Передний флигель, выходивший на улицу, перестроили под конюшню и каретный сарай, а второй дворик, укрытый в глубине, отвели под гостевые покои.

Сделано это было ради удобства сородичей из деревни семьи Дин: теперь, приезжая в город, они всегда имели крышу над головой. Второй дворик предназначался для женщин, боковые флигели первого — для мужчин, а главный дом Дин Тянь, разумеется, оставил за собой. Боковые пристройки-ушки тоже пошли в дело: в одной устроили дровяник, совмещенный с кухней, а другую приспособили под кладовую.

Уборную перенесли в северо-западный угол, а в северо-восточном устроили конуру для двух собак, призванных охранять покой хозяина. Вот таким незамысловатым, но практичным получился проект Дин Тяня.

По правде говоря, жизнь в уездной управе Дин Тяня вполне устраивала. Но ровно до тех пор, пока он не понаблюдал за тем, какой бедлам творится на жилой половине нового уездного судьи. Дин Тянь решил, что при первой же возможности — когда в тюрьме не останется важных колодников — он тут же съедет в собственный дом.

В управе поднялся такой переполох, что на это тошно было смотреть. К тому же этот прохвост Чэн Да повадился околачиваться возле Лунных врат, ведущих во внутренний двор. Постоянно вытягивал шею и заглядывал туда с такой слащавой миной... Ну чисто Лю Сэнь, подхвативший ту же заразу!

А уж здешние нравы с приходом нового судьи Ма Чуна покатались по наклонной. По коридорам так и шныряли хорошенькие, как картинки, служанки, кокетливо виляли бедрами дородные жены управляющих... А ведь были еще наложницы и сама законная супруга судьи!

Насмотревшись в прошлой жизни мыльных опер про гаремные интриги, Дин Тянь прекрасно

понимал: добра от такого вертепа не жди. Да тут еще и осенний сбор налогов на носу — бог знает, какую дань сдерут с народа.

«Эх, сколько же лишней головной боли, — с досадой подумал Дин Тянь. — Ладно, пускай крутятся как хотят, а мне сейчас важнее всего со своей стройкой закончить»

Пока он всю суешил на стройке, в полях кипела работа. Осенняя страда — время благодатное, но короткое, всего неделя-полторы, и упустить его никак нельзя. В эти безумные дни крестьяне пылинки сдували со своего рабочего скота. Даже старую клячу Дин Тянь запрягли возить снопы.

А как иначе? Не мог же он безучастно смотреть, как семья брата Каня на своем горбу таскает тяжелые мешки с зерном от поля до гумна и обратно. Дин Тянь без лишних слов одолжил им и телегу, и бычью повозку. Брат Кань от избытка чувств даже прослезился:

— То, что я взял в аренду землю Тянь-эра — истинное благословение предков!

— Ладно тебе, принимайся за дело! — с улыбкой оборвал его Дин Тянь.

Отдав упряжки, он побежал ко второму дяде — колоть дрова да носить воду. Больше ни на что серьезное он не годился. Косить и жать Дин Тянь, конечно, умел, но куда ему до сноровки дяди Дацзяна и дяди Дахэ. К тому же дядья наняли на подмогу батраков. Кормили их на совесть: дважды в день досыта набивали животы сытной кашей, подавая к ней одно мясное блюдо и одно овощное.

За неделю с небольшим урожаем убрали подчистую. На гумне закрутились тяжелые каменные катки, выбивая из колосьев золотистое просо, спелые початки кукурузы и огненно-красные зерна гаоляна.

Дин Тянь вернулся на службу на девятый день. Едва он переступил порог управы, как его тут же увлек в укромный уголок Чэн Да:

— Тянь-эр, ты уже слышал? Наш новый судья наконец-то огласил указ о налогах.

— Вот как? — усмехнулся Дин Тянь. — И что у тебя за кислая мина? Тебя наградили или, наоборот, обобрали до нитки?

— Тебе бы всё зубы скалить! — в сердцах отмахнулся Чэн Да. — Ты хоть знаешь, сколько он затребовал?

— Откуда мне знать? Я только с дороги, даже форменный халат примерить не успел, — пожал плечами Дин Тянь.

— Судья постановил: с каждого му земли взимать по одному даню зерна. Причем дань эта он приказал мерить по сто двадцать цзиней! — зашептал Чэн Да, испуганно озираясь. — Плюс по одному лян серебра с каждого двора в качестве подушного налога. Но это еще полбеды! Сверху накинули плату за переплавку — по двадцать медных монет с семьи. И в довершение — по две меры зеленого силоса и по пятьдесят цзиней грубого зерна.

— Сколько?! — у Дин Тяня округлились глаза от изумления. — Да это же... это даже больше, чем драли до войны!

— Судья заявляет, мол, налоги не собирались три года, никаких документов и образцов для сравнения не осталось, поэтому пока платим так. А дальше, дескать, если у народа заведутся деньжата, он пересмотрит указ... — Чэн Да аж кулаки сжал от злости. — Грабеж среди бела дня!

На севере климат суровый, урожай собирают лишь раз в год. Земля едва оправилась после войны, людей осталось — раз-два и обчелся, а новый уездный судья в первый же год решил обобрать всех до костей. Сразу показал свой хищный оскал.

— И как люди это вынесут? — пробормотал Дин Тянь, хмурясь. — Непомерная же ноша.

Один лян серебра да еще двадцать медных монет поверх... Обычной крестьянской семье копить эти деньги придется месяцами, если не весь год!

«Один лян серебра... По меркам моего прежнего мира это никак не меньше десяти тысяч рублей! Да еще эти копейки сверху»

Простому крестьянину, который трудится от зари до зари, скопить такую сумму невероятно тяжело. В благополучный год, во всем себе отказывая, крестьянский двор мог отложить от силы три-пять лянов. И это если погода баловала! А ну как засуха или саранча налетит? Пиши пропало.

Наводнения на севере случались редко из-за нехватки крупных рек, но вот от суши и вредителей спасения не было. А ведь эти крохи копились годами: нужно и сыну свадьбу сыграть, и дочери бесприданницей не остаться, да и старикам в случае болезни лекаря оплатить... Жизнь простого люда и так была полна невзгод, радоваться особо нечему.

А теперь у них разом отбирают больше ляна серебром, да еще и зерна требуют немеряно.

Обычно одна дань весит ровно сто цзиней — это все знают. Но чиновникам закон не писан, они волевым решением приравняли дань к ста двадцати цзиням. И кому ты пойдешь жаловаться?

С учетом всех скрытых поборов крестьянину придется отдать без малого полтора ста цзиней с каждого му! А ведь один му дает от силы три-четыре даня. Отобрать такую долю — значит

обречь семью на полуголодное существование. А ведь людям нужно не только питаться самим, но и продавать излишки, чтобы купить самое необходимое: дрова, соль, масло, чай...

Если у крестьянина амбар пуст, он спать спокойно не сможет. Сначала нужно отложить пропитание на всю зиму, остальное продать, выручить серебро на уплату налогов, и лишь жалкие крохи оставить себе... Да к тому же этот силос! Раньше сдавали по одной мере с каждого двора, а теперь вынь да положь две.

Зеленый силос идет на корм казенному скоту. За зиму животные его все равно не съедят, а весной, когда пробивается свежая трава, старый силос превращается в гниль. Зачем переводить добро?

— Регистратор Сюй от злости чуть чувств не лишился! — процедил сквозь зубы Чэн Да. — Ну зачем хапать так много? Да после такой уплаты у людей вообще ничего не останется!

Оба они выросли в деревне и прекрасно знали цену каждому зернышку. Крестьянину, чтобы гнуть спину в поле, требуется много сил, а без сытной еды откуда взяться этой силе?

— Кое-что останется, — горько усмехнулся Дин Тянь. — Наш новый судья недаром носит звание сопричисленного к высшей ученой степени, да и супруга его — дочь ушлого купца. Этот пройдоха всё рассчитал с аптекарской точностью. Он забирает ровно столько, чтобы у крестьян осталось по паре лянов за пазухой и самый минимум зерна на прокорм. То есть на грани выживания. Бунтовать из-за этого люди не пойдут — побоятся, но шкуру с них сдерут знатно. Удивительная, ювелирная точность грабежа!

Неудивительно, что семейство купцов и богатых землевладельцев смогло выучить и продвинуть своего отпрыска до чиновничьего чина. Считать деньги они умели как никто другой.

Дин Тянь быстро прикинул цифры в уме. Расклад выходил издевательски безупречным.

«Каков шельма! — подумал он. — Балансирует на тончайшей грани: умереть с голоду не даст, но и подняться на ноги не позволит»

Выслушав эти выкладки, Чэн Да лишь ошарашенно захлопал глазами:

— Матушка небесная... Я в счетах не силен, но если все так, как ты говоришь... Неужто люди в деревнях этого не понимают?

— Даже если и понимают, разве они могут пойти против воли уездного судьи? — вздохнул Дин Тянь. — Эх, не успел господин Ду уехать, как сиротские слезы потекли рекой.

— Может, нам стоит обратиться к господину Ду? Пусть рассудит! — с надеждой предложил Чэн Да.

Сам он как служба управы пользовался налоговыми льготами, но его родичам повезло куда меньше. Его родной брат не служил в управе и никаких поблажек не имел. А семья у него — сплошь старики да малые дети. Ковыряют свои несчастные три му земли, едва сводя концы с концами. Если у них сейчас отобрать зерно и деньги, они, может, и переживут зиму, но весной, когда придет время сева, им просто нечего будет положить в котел.

И таких бедолаг в округе пруд пруди. А вдовы с сиротами? Где им взять этот проклятый лян с лишним? Самое паршивое, что собирать эти непосильные налоги отправят именно их — служек управы.

— Ладно, давай зайдем в управу, там и поговорим, — оборвал невеселые мысли Дин Тянь.

Он припарковал телегу, переделся в чистое служебное платье и направился напрямик к регистратору Сюю.

Регистратор Сюй сидел за столом, тяжело вздыхая. Рядом с ним с точно таким же унылым выражением лица ютился его сын Сюй Цзысю. В этот миг сходство отца и сына бросалось в глаза как никогда. Сразу видно — одна кровь!

— Приветствую вас, регистратор Сюй, — Дин Тянь вежливо сложил ладони. — Я вернулся со службы и пришел отметиться.

Пока у уезда не было постоянного штата высших чинов, все бумажные дела вел регистратор Сюй. Он послушно отмечал прибытие и убытие служащих, никогда не придираясь по пустякам.

— Уже прослышал о новостях? — вздохнул регистратор Сюй и кивнул сыну, чтобы тот сделал пометку в журнале. Затем он указал Дин Тяню на низкую скамеечку возле своего кресла-качалки: — Присаживайся. Скажи, есть у тебя какие мысли? Если новый уездный судья продолжит в том же духе, он мигом растеряет доверие народа.

Одно дело — осваиваться на новом месте без особых свершений, к этому люди привыкли. Но заявляться в уезд исключительно ради того, чтобы набить мошну... Крестьяне — не бессловесные овцы, терпеть произвол вечно они не станут. Нравы на севере суровые, народ горячий. Доведи их до крайности — и бунта не избежать.

— Думаю, для начала нам стоит покорно собрать первую часть налога, чтобы усыпить его бдительность, — рассудительно произнес Дин Тянь. — А тем временем тайно связаться с господином Ду. Послушайте, все мы знаем, как делаются дела с продовольствием и казной. На добавочных пошлинах и сборах на угар всегда кто-то греет руки. Но всему же есть предел! Будь наценка чуть меньше — народ бы смолчал. Но требовать лишние тридцать цзиней зерна и двадцать монет с каждого двора — это откровенный грабеж. Мы должны показать зубы, но аккуратно, оставив ему путь для отступления. Если загнать его в угол, он пойдет напролом, и тогда пиши пропало.

— Твоя правда, — регистратор Сюй согласно обмахнулся веером из рогоза. — Только сообщать господину Ду нужно прямо сейчас, не дожидаясь начала сбора. Видишь ли, собранное зерно и серебро отправляются напрямую в управу Бэйфэн, а оттуда распределяются на нужды нашей пограничной армии. До столицы эти средства не доходят, что избавляет нас от кучи лишних чиновничьих рук и мздоимства по дороге. Судья Ма потому и держит это в тайне от простого люда, что боится потерять свои незаконные надбавки! Стоит крестьянам узнать правду — и плакали его денежки. Если господин Ду пришлет вестников с официальным указом, где черным по белому будут прописаны настоящие ставки налогов и объем силоса, нашему уездному судье крыть будет нечем.

Дин Тянь внезапно ощутил, как земля уходит у него из-под ног. Он-то шел в управу просто отметить после отпуска, а вовсе не плести заговоры против нового уездного судьи Ма Чуна! А в итоге ввязался в опасную игру.

«Старый лис Сюй наверняка давно всё продумал, — мелькнуло в голове у Дин Тяня. — Но почему он вывалил это мне?»

Заметив ошарашенный взгляд молодого тюремщика, регистратор Сюй хитро прищурился:

— Вот поэтому я и прошу тебя написать письмо господину Ду. А мой Цзысю тайно доставит его в Бэйфэн.

— Я?! — Дин Тянь насупился, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение. — С чего вдруг я?

В голове завертелись нехорошие мысли. Старик держит его за дурака и хочет подставить под удар? Или же пытается таким образом привязать к себе, сделав сообщником в опасном деле?

<http://bllate.org/book/19387/1997459>